

УДК 882

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В РОМАНЕ Л. М. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»

© В. А. Петишева*, А. А. Петишев

*Башкирский государственный университет
Бирский филиал**Россия, Республика Башкортостан, 452455 г. Бирск, ул. Интернациональная, 10.**Тел.: +7(34784) 4 04 70.***Email: kira-02@mail.ru*

В статье исследуются взаимоотношения человека и природы, анализируется главный конфликт в романе Л. М. Леонова «Русский лес», система его образов и характеры-антиподы, изучается своеобразие художественного мышления Л. М. Леонова.

Ключевые слова: философский роман, композиция романа, художественный символ, праведничество, авторская позиция, пейзажные описания, герои-антиподы, наука и лженаука.

«Русский лес» (1953 г.) – этапное произведение в культурной жизни России второй половины XX века. Исходный онтологический базис романа – противостояние Добра и Зла, противопоставление абстрактных доктрин революционного переустройства мира объективным законам мироздания, нравственным основам жизни человека в его гармоническом единении с природой. Роман Л. Леонова – разнородное произведение, в котором сюжетобразующими центрами стали, на первый взгляд, несовместимые проблемы общественной, культурной и духовной жизни народа – судьба русского леса и будущее России, борьба двух направлений в учении о лесе, наука и лженаука, фашизм и гуманизм. Автор умело сконструировал, соединил в целое этот разнохарактерный материал, превратив его в художественную систему.

Леоновская нравственно-философская концепция отражения человека и мира сформировалась в первую очередь под непосредственным влиянием общественно-политических условий, а также в результате наблюдений прозаика над жизнью. Немаловажную роль при этом играли эстетические ориентиры писателя: творческое использование традиций устной словесности, древнерусских литературных памятников, классики XIX столетия, народных социальных утопий, библейских мотивов и образов. Л. Леонова-художника, критика и публициста нельзя полностью понять, не учитывая литературно-художественный, культурный и философский контексты эпохи, в которой шло формирование личности писателя и ее последующая эволюция. Это, прежде всего, русская философская мысль конца XIX – начала XX вв. в лице ее ярких представителей – В. Соловьева, Н. Бердяева, Н. Федорова, П. Флоренского, Л. Шестова. Вне сомнения, труды этих мыслителей сказались на леоновских сомнениях и настороженности по отношению к пореволюционному времени и прогрессу, к насильственным методам переустройства социально-экономического уклада России, косвенно отразились в скептических оценках предельного рационализма, нивелирования индивидуума и пренебрежения к его духовным интересам.

Особый поэтический мир «Русского леса» – жизнь природы; в романе изображены ее многообразные проявления, показаны обобщенные картины и образы то развернутые, то лаконичные; выявлен главный конфликт в эволюции человечества – противоборство философии жизни и философии смерти. В произведении доминирует идея возрождения природы, но не ее завоевания. Автор и герои убеждены: настало время охранять природу от безрассудных посягательств людей, строить отношения с ней на основе выверенных научно-обоснованных подходов; пришла пора отказаться от антропоцентрического мышления человека в пользу ноосферного.

Лес в романе – художественный символ и главный герой книги, способствующий раскрытию человеческих лиц, их психологии и поступков; он сыграл важную роль в формировании жизненной позиции ученого Вихрова: «К революции я шел, – заявил герой, – своим лесом, и сказать правду, вследствие постоянных побоев, довольно дремучим лесом» [1]. Вполне логично, что Иван Матвеевич стал защитником и ходатаем «зеленого друга». На предложение Таисии Матвеевны уехать из Москвы, бросить институт в отчаянное, спокойное время и вернуться в Пустош («Пришел ты из лесу и возвращайся в лес» – порой говорила она) ученый отвечал: «Видишь ли, сестра, деревья на краю леса получают больше света и пищи, без утеснения растут... оттого повыносливей. Вот и меня природа поставила вроде дуба на опушку, для ограждения от напрасного ветровала. Как же мне уйти отсюда?... корешки себе же рубить придется <...>» [1, с. 54–55].

Мировоззрение Вихрова сложилось под влиянием разных факторов, при этом особую роль сыграли общение и беседы подростка Вани с Калиной, который в мальчишеских пересудах представлялся то добрым и озорным лешим, то грозным и справедливым подручным Стеньки Разина. Лесник Глухов охотно объяснял мальцу свою веру, ставшую впоследствии верой и самого Ивана Матвеевича. Отсвет немногословной дружбы солдата бессрочной царской службы и малого – простого крестьянского паренька – сохранился в сердце Вихрова на всю

жизнь. Лесной владыка щедро делился с Ваней секретами людской мудрости, «<...> учил своего питомца узнавать по росам погоду, а урожай по корешкам лесных трав – и прочей тайной грамоте леса, в которой скопился тысячелетний опыт народа» [1, с. 88]. Калина – тип леоновского праведника, отличного от классических правдоискателей Н. Гоголя и Н. Лескова. В основе праведничества Глухова лежит стремление героя жить в гармонии с природой, видеть в ней сакральный смысл человеческой жизни с ее неотвратимым концом – переплавом в иные, еще более совершенные формы бытия. Такие качества Калины, как «<...> светлое веселие духа и чувство красоты («благообразие»), его деятельная любовь к ближним, смирение, жизнерадостность <...>» [2], напоминают душевные свойства толстовского Платона Каратаева.

Лес как один из главных сюжетобразующих образов книги определил судьбу, научные удачи как Вихрова, так и последователей идеи постоянного лесопользования. Об этом не раз заявляли герои, в частности, Иван Матвейч: «Лес для меня не профессия, а призванье: от души никуда не сбежишь. Дали бы мне вторую жизнь, я повторил бы ее в том же духе» [1, с. 684]; Крайнов: «<...> Я собираюсь заниматься всего лишь лесом, весьма подзапущенным русским лесом <...>» [1, с. 161]; Осьминов: «<...> Все на свете, лес в том числе, является лишь инструментом человеческого счастья» [1, с. 685]. «Зеленый друг» сформировал и питает пантеистическую натуру Лисагонова, бережет лесника от напастей и хвори и за надобностью держит при себе почти целое столетие. «<...> Не отпускает его кормилец-то: держит, ласковый! <...> сказала древняя бабка, имея в виду лес и бывшего обходчика <...> Он меня держит... – с достоинством повторил Миней <...> Лес, чай, хозяин <...>» [1, с. 708].

Но судьба знакового героя книги противоречива. Несмотря на то, что история уготовила лесу почетное место и имя кормильца, благодетеля и защитника русских людей, он, исправно неся службу на пользу общества, часто оказывался в роли пасынка. Вихров горько констатировал, глядя на небрежное и безжалостное отношение россиян к природе: «Да <...> не любят леса на Руси. Действует до сегодня древлянская память о непосильном труде, затраченном на раскорчевку необозримых пашен. Но я бы голодом заморил наших генералов от просвещения, не сумевших за двести лет привить народу чувство если не благодарности, то хотя бы справедливости к безгласному зеленому другу» [1, с. 182]. И в последующие времена не лучшим образом расходовались кладовые природы. В беседе с Осьминовым Иван Матвеевич, усталый, с нотой разочарования в голосе, сказал: «Я всего лишь экономического гражданина для леса требовал и протестовал против систематических лесных растрат <...> Мы режем лес, усиленно сокращая срок обо-

рота, и все, что тоньше трех вершков в отрубе или иной породы, остается на месте <...> Зря, значит, растили их солнышко да мать сыра-земля» [1, с. 685]. В унисон мотивам бесхозяйственности и хищнического отношения человека к «зеленой одежде» земли прозвучали призывы ученого в лекции для студентов-первокурсников: «Пришло время оплатить должок этому молчаливому товарищу <...> вы вполне своевременно приходите на помощь лесу; с веками все меньше становится даровых благ на земле, и, чтобы не знать горя впереди, надо разумно тратить, а иногда и возмещать всякую копейку, без расписки взятую у природы» [1, с. 309 – 310].

Важную идейно-художественную и композиционную функцию в романе выполняет финальный монолог лесника Миней, в котором четко обозначена позиция автора книги: «... Вот, сколько живу, испокон веков все в жизни мы наспех делали <...> У нас, в России, лес за все в ответе, так-то!» [1, с. 709]. Монологическая слитность повествования, в котором превалируют авторские оценки основных конфликтов, почти не давая поводов для сомнений в правильности вихровских взглядов, вскрывает парадоксальность концепции ученого. На службе Иван Матвейч преуспевал: его наградили орденом, Грацианский вынужденно признал свое поражение. Но Вихрова никогда не покидала мысль о тщетности его научного поиска, ученого одолевало желание вернуться к истокам – уйти в лесничии. В первый разговор после долгой разлуки с Полей, он, как бы оправдываясь, сказал: «Я не крал, не продавал отечества, не обманывал, хотя... и должен признать себя весьма недалеким человеком, если за целую жизнь не сумел доказать самых банальных очевидностей моему народу» [1, с. 453]. За долгие годы научного творчества Вихров «<...> сделать ничего для леса не успел, кроме груд испсанной бумаги» [1, с. 684]. Труды ученого не были востребованы в обществе, они оказались «<...> бесполезными сочинениями <...>» [1, с. 683].

Сбылось пророчество Крайнова, напоминающего «комиссаров» Потемкина из романа «Соть» и Черимова из «Скутаревского»: «Ищи базу, копай до твердого грунта, Иван. Иначе лес твой рухнет на тебя же» [1, с. 182]. Остались без ответа вопросы повествователя, скованного канонами соцреализма: «<...> Почему, сознавая свою несомненную правоту, все двадцать пять лет отмалчивался Иван Матвейч? <...> Кто давал право Грацианскому на острейшие политические обвинения? <...>» [1, с. 538]. Наверное, ответы на непростые и «опасные» по тому времени вопросы можно было бы найти в последней главе романа, к сожалению, так и не написанной автором. «Опыт XX века, – отметил Ю. Окланский, – и собственная жизнь уже научили романиста, что возможности добра в его сопротивлении злу весьма относительно, а победа добрых

начал проблематична и уж во всяком случае, отнюдь, не близка» [3].

Наиболее полно теория постоянного лесопользования была изложена в книге Ивана Матвевича «Введение в науку о лесе» [1, с. 398–402]. В ней Вихров пришел к заключению, «<...> что целью лесного хозяина должно являться поддержание леса в состоянии, наиболее выгодном для получения отличной древесины в наибольшем количестве. Для этого рубки, согласованные с приростом и возрастом леса, должны были возмещаться правильным возобновлением его и вестись с таким расчетом, чтобы ко времени вырубки последней лесосеки на первой успевал выспеть новый, промышленного качества лес» [1, с. 399]. Но эпоха и время высветили уязвимые места в вихровской теории: дело в том, что «во всем мире, – писал Л. Леонов, – начальный прогресс подымался по древесным ступенькам <...>» [1, с. 98]; в России же на протяжении многих веков лес служил «<...> не только одним из источников народного существования, но и безответной рессорой государственной экономики <...>» [1, с. 259]. Важнейшее место в структуре «Русского леса» занимает классическая лекция (оригинальный художественный коллаж) профессора Вихрова – антитеза научному пустоцветству и миметизму Грацианского и его сторонников – одноликих «чиков». Лекция и теория постоянного лесопользования – научная основа романа. К ней Л. Леонов шел долго и трудно: создавая роман, он прочитал лесные журналы за последние 100 лет, часто путешествовал по стране, изучая на практике состояние лесного хозяйства, проштудировал классику – труды Ф. К. Арнольда, Г. Ф. Морозова, лесоводческие теории XX века Н. П. Анучина, Е. И. Лопухова, М. Е. Ткаченко, других ученых.

В основе «природного» и социального конфликтов «Русского леса» лежит двойничество-универсальный прием раскрытия личностных противоречий, – осложненное столкновениями героев на профессиональной почве, полярностью их этических и экологических взглядов. Бинарная сущность героев выявляется также через исторические, социально-политические и идеологические столкновения. «Главный конфликт романа, – писала Т. Вахитова, – воплощенный в образах ученых Вихрова и Грацианского, касался не только проблем леса, но и философской концепции жизни» [4].

Характерологическое противоборство в книге выявляется посредством описаний героев и среды, в которой они действуют, показа поступков персонажей, их отношений к другим действующим лицам, привычек, авторских отступлений и оценок и т.п. Прозаик нарочито противопоставил портреты и внешность Вихрова и Грацианского (в первом случае перед читателем предстал неутомимый мастерской, во втором – несостоявшийся надменный аристократ), их кабинеты: в вихровском «<...> имелось все необходимое для жизни и работы,

только с явным подчинением первого второму» [1, с. 39]; в кабинете Грацианского не было ни «<...> единой подробности, напоминавшей о профессии его владельца, зато с уймой музейных безделиц <...>» [1, с. 692–693]. В романе противополжена кабинетная суэта Александра Яковлевича «бродячей прихоти» Ивана Матвевича, который не раз путешествовал по стране, собирал материал для книг (на Крайнем Севере – гл. 4, в центральных губерниях, в родных местах – гл. 17), вглядывался в лик России, стараясь угадать по ее суровому прошлому неведомое будущее.

Нравственное самостояние героев-антиподов испытывается на отношениях к самым близким людям – Елене Ивановне и Наталье Сергеевне. Елену Ивановну всю жизнь терзали противоречия. Выросла она в барской усадьбе как сапегинская воспитанница. «Дворянское происхождение» Лены сказалось на всей ее дальнейшей жизни. Совсем недавно она говорила Вихрову: «<...> Я хорошей женой вам буду... что ни случись, слова дурного вы от меня не услышите!» [1, с. 270]. Но вскоре с малолетней дочкой на руках сбежала от мужа на Енгу: то был поступок-расплата за мнимые «грехи отцов» и тщетная попытка вычеркнуть из памяти свое прошлое. Суровая жизнь без мужа сделала из Лены аскета, пугливую и неулыбчивую мать. Но, несмотря на бегство Елены Ивановны, Вихров всегда любил жену и верил, что их судьбы сойдутся навсегда. По словам Натальи Сергеевны, в ушедшие годы она «<...> бывала на самом вершине жизни <...>» [1, с. 20], зато теперь героиня расплачивалась за свое легкое и веселое прошлое. Грацианский находился всегда рядом с «дамой треф» (так называли старушку соседки), но ничего не сделал, чтобы облегчить судьбу «бывшей», ставшей заложницей новой эпохи, наоборот, то и дело строил ей пакости и причинял душевную боль. Героиня Л. Леонова роднит боязнь «шинели». Этот символ неоднократно появляется в романе. Например, в эпизоде встречи Крайнова, одетого в длинную кавалерийскую шинель, с испуганной Леночкой [1, с. 253–254]; в сцене общения Саши Грацианского, в форменной, с металлическими пуговицами шинели, с перепуганной женщиной [1, с. 254]. Таким образом, соотнося умеренность «бывших» с «удалой левизной» юных героев, писатель пришел к безрадостному выводу: «<...> Никогда, пожалуй, такой длинный перегон не разделял в России двух смежных поколений» [1, с. 19].

В «Русском лесе» помимо обобщений автора о судьбах человека и природы большую композиционную роль играют символические природные образы. В книге есть впечатляющая картина рубки сосны. В унисон «смерти» лесной красавицы звучит монолог Калины Глухова: «К тому я и веду, что прозябнет земля без своей зеленой шубеики и здоровьишко станет у ей шибко колебательное. Будет коровка по семи верст за травинкой ходить, а

раньше с аршина наедалася. И будет вам лето без тучек, иная зимица без снегов... и поклянут люди свое солнышко! <...> И как побьете до последнего деревца русские-то леса, тут и отправитесь, родимые, за хлебушком на чужую сторонку!...» [1, с. 92]. Речитатив старца звучал, как глас вопиющего в пустыне, – на него не реагировали ни толпы лесорубов, ни Золотухин, ни Кнышев, «<...> который, по слухам, вырубил полмиллиона десятин и снял зеленую одежду с трех великих русских рек» [1, с. 92].

«Русский лес» – философский роман, тяготеющий к условности; его сюжет подчинен развитию философской мысли, в основании которой лежат мифотворчество, символика, широкие отступления и исторические реминисценции. Художественно осмысливая бытие, романист утверждал гармоничное единство человека и природы, человека и зем-

ли, человека и космоса, фиксировал свое внимание на симптомах кризиса традиционного гуманистического сознания. Человек, по Л. Леонову, – существо общественное, жизнь и сознание которого должны одухотворяться высшими идеями и нравственным смыслом, в противном случае на пути поступательного движения человечества неизбежны препятствия и роковые преграды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонов Л. М. Русский лес. Собр. соч.: В 10 т. М.: Колос, 1984. Т. IX.
2. Мочульский К. Великие русские писатели XIX в. СПб.: Алтейя, 2000. 160 с.
3. Оклянский Ю. Шумное захолустье: В 2-х книгах. М.: Терра, 1997. Кн. 2. 320 с.
4. Вахитова Т. М. Лики Л. Леонова в XX веке // Литература в школе. 2004. №2. С. 6.

Поступила в редакцию 09.09.2014 г.

MAN AND NATURE IN L. M. LEONOV NOVEL "RUSSIAN FOREST"

© V. A. Petisheva*, A. A. Petishev

*Birsk branch of Bashkir State University**10 Internatsional'naya St., 452455 Birsk, Republik of Bashkortostan, Russia.**Phone: +7 (34784) 4 04 70.***Email: kira-02@mail.ru*

The relationship between man and nature in the novel is studied. It is noted in the pathos and the specifics of the novel genre, on the complex and polemical, encrypted and intricate artistic thinking of the author and the book-style markedly affected philosophical subtext, manifested in the structure of the "Russian forest" and methods of narration, in a ratio of two storylines; in the polar alignment of characters and ideas with a view to knowing the ontology of existence and its basic categories; in the image of the two world outlook, the two ideological positions. Derivative components of the philosophical idea of focusing on foundations of art disclosure of national life, made symbolism thought the sign system of the novel and its metaphor, the origins of which the artist saw in the cultural heritage of civilization, in the works of various genres of folklore. Strong and uncompromising position of the author-narrator in the evaluation of the problem of "Man and Nature" is identified. It's intellectual orientation, concentrated is the artist's thoughts and reflections on human existence and the laws of nature, monological narrative and ingenious architectonic. Novel of the L. Leonov – heterogeneous work in which plot-centers have become seemingly incompatible problems of social, cultural and spiritual life of the people – the fate of Russian forests and the future of Russia, a struggle between two directions in the study of forest science and pseudoscience, fascism and humanism. The author skillfully constructed, put together into a whole material of different character, turning it into an art system. Poetic world of "Russian forest" – is the life of nature; the novel shows its diverse manifestations, shows generalized pictures and images deployed or concise; the main conflict in the evolution of mankind is identified – the confrontation philosophy of life and philosophy of death. The idea of the rebirth of nature and not conquering of it is dominating in the book. The basis of "natural" and social conflict of "Russian forest" is duplicity – the universal acceptance of the disclosure of personal contradictions – complicated collisions heroes on a professional level, the polarity of their ethical and ecological views. The binary nature of the characters is also revealed through the historical, socio-political and ideological clashes. "Russian forest" – is a philosophical novel, tending to the conventions; its plot is subordinated to the development of philosophical thought, which lie at the basis of the myth-making, symbolism and historical reminiscences. Artistically interpreting the being, the novelist claimed harmonious unity of a man and nature, man and earth, man and the space, fixed their attention on the symptoms of the crisis of the traditional humanistic consciousness.

Keywords: *the philosophical novel, the composition of the novel, the artistic character, righteousness, the author's position, landscape descriptions, characters antipodes, science and pseudoscience.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Leonov L. M. Russkii les. Sobr. soch.: V 10 t. [Russian Forest. Collected Works in 10 Volumes]. Moscow: Kolos, 1984. Vol. IX.
2. Mochul'skii K. Velikie russkie pisateli XIX v. [Great Russian Writers of the XIXth Century]. Saint Petersburg: Alteiya, 2000.
3. Oklyanskii Yu. Shumnoe zakhlost'e: V 2-kh knigakh [Noisy Backwoods: in 2 Volumes]. Moscow: Terra, 1997. Kn. 2.
4. Vakhitova T. M. Liki L. Literatura v shkole. 2004. No. 2. Pp. 6.

Received 09.09.2014.